

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'373

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-17-28>**Многофункциональность вестияльной лексики в художественном портрете В.А. Гиляровского (на материале автобиографических повестей «Мои скитания» и «Люди театра»)****Т.В. Летапурс¹ ✉, Т.М. Малихина²**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305001, Российская Федерация

✉ e-mail: e-mail: lietaurs@mail.ru

Резюме

Журналистское наследие В.А. Гиляровского изучено достаточно подробно, в меньшей мере внимание ученых было приковано к его автобиографической прозе – повестям «Мои скитания» и «Люди театра», авторской манере, выражению индивидуального видения мира и человека. В статье рассматриваются языковые и стилистические особенности портрета В.А. Гиляровского и выявляется своеобразие вестияльной лексики, ее функции в описании внешности героев разных социальных слоев.

Цель исследования – изучить тематику и проблематику автобиографической прозы, провести лингвистический анализ портретных описаний в повестях «Мои скитания» и выявить специфику и функции вестияльной лексики.

В исследовании акцент был сделан на осмысление особенностей стиля писателя, специфики его портретов, этнолингвистический и этимологический аспект лексики одежды.

В результате анализа выявлено, что в автобиографической прозе В.А. Гиляровского основной вид портрета – социально-исторический, описательно-бытовой. Исходя из художественных задач, писатель не стремится к постижению психологии героев или их редкой индивидуальности. Авторский комментарий в портрете отсутствует. Принципы внешнего изображения становятся основополагающими. «Мужское» видение окружающих людей ведет к отсутствию положительной или отрицательной экспрессии, экзальтации чувств или сентиментальности. Гражданский мундир, сюртук, фрак, ливрея в портретах имеют не только описательную функцию, «визуализируя» героя, но и выявляют должность героя, определяют его личностное отношение к собственному положению в обществе. Мундир, шинель, фуражки, сапоги представляют форменную одежду, где определения подчеркивают материал, знаки отличия, фасон и детали одежды; награды. Данная лексика также носит исторический и архаический характер, позволяя читателю представлять особенности костюма XIX века, погрузиться в мир, интересный, неизвестный, подчас патриархальный, что способствует пониманию среды, ее иерархичности и в то же время живописной разнообразности.

Женские портреты с вестияльной лексикой единичны; они выполняют описательную функцию, функцию социальной характеристики. Законодательное предписание в ношении служебного и партияльного платья соблюдается лицами официальными, служащими героями.

На изменение моды, связанной не только с эстетическими, но и идейно-политическими воззрениями революционной молодежи, с ее стремлением к демократизации облика, указывает портрет ссыльных, в котором преобладает лексика народной одежды, в частности, облика городских рабочих. Вместе с тем аксессуары подчеркивают «субкультуру» нигилистов.

Ключевые слова: художественный портрет; вестияльная лексика; жанрово-стилевые особенности; специфика и функции вестияльной лексики в художественном тексте.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Летапурс Т.В., Малихина Т.М. Многофункциональность вестияльной лексики в художественном портрете В.А. Гиляровского (на материале автобиографических повестей «Мои скитания» и «Люди театра») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 17-28. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-17-28>.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022 Статья подписана в печать 08.02.2023

Статья опубликована 15.04.2023

© Летапурс Т.В., Малихина Т.М., 2023

The Multifunctionality of Vestial Vocabulary in the Artistic Portrait of V.A. Gilyarovsky (based on the Autobiographical Novels "My Wanderings" and "People of the Theater")

Tat'yana V. Letapurs¹ ✉, Tat'yana M. Malykhina²

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Kursk State University
33, Radishcheva Str., Kursk 305001, Russian Federation

✉ e-mail: lietaurs@mail.ru

Abstract

The journalistic legacy of V.A. Gilyarovsky has been studied in sufficient detail, to a lesser extent, the attention of scientists was riveted to his autobiographical prose - the stories "My Wanderings" and "People of the Theater", the author's manner, the expression of an individual vision of the world and man. The article deals with the linguistic and stylistic features of the portrait of V.A. Gilyarovsky and reveals the originality of the vestial vocabulary, its function in describing the appearance of heroes of different social strata.

The purpose of the study is to study the themes and problems of autobiographical prose, to carry out a linguistic analysis of portrait descriptions in the stories "My Wanderings" and to identify the specifics and functions of the vestial vocabulary. In the study, the emphasis was placed on understanding the features of the writer's style, the specifics of his portraits, the ethnolinguistic and etymological aspect of the clothing vocabulary.

As a result of the analysis, it was revealed that in the autobiographical prose of V.A. Gilyarovsky, the main type of portrait is socio-historical, descriptive and everyday. Based on artistic tasks, the writer does not strive to comprehend the psychology of the characters or their rare individuality. There is no author's commentary in the portrait. The principles of the external image become fundamental. The "masculine" vision of the surrounding people leads to a lack of positive or negative expression, exaltation of feelings or sentimentality.

Civil uniform, frock coat, tailcoat, livery in portraits have not only a descriptive function, "visualizing" the hero, but also reveal the position of the hero, determine his personal attitude to his own position in society. Uniform, overcoat, caps, boots represent uniforms, where the definitions emphasize the material, insignia, style and details of clothing; awards. This vocabulary is also of a historical and archaic nature, allowing the reader to imagine the features of the costume of the 19th century, to immerse themselves in an interesting, unknown, sometimes patriarchal world, which contributes to understanding the environment, its hierarchy and, at the same time, picturesque diversity.

Female portraits with vestial vocabulary are rare; they perform a descriptive function, a function of social characterization. The legal requirement to wear official and particular dress is observed by officials who serve as heroes.

The change in fashion, associated not only with the aesthetic, but also with the ideological and political views of the revolutionary youth, their desire to democratize their appearance, is shown by the portrait of the exiles, where the vocabulary of folk clothes, in particular, the appearance of urban workers, prevails. At the same time, accessories emphasize the "subculture" of nihilists.

Keywords: artistic portrait; vestial vocabulary; genre and style features; specifics and functions of vestial vocabulary in a literary text.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Letapurs T.V., Malykhina T.M. The Multifunctionality of Vestial Vocabulary in the Artistic Portrait of V.A. Gilyarovsky (based on the Autobiographical Novels "My Wanderings" and "People of the Theater"). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 17–28 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-17-28>.

Received 27.12.2022

Accepted 08.02.2023

Published 15.04.2023

Введение

Отечественная критика в силу многих причин, в большей степени политических, идеологических, оказалась весь-

ма несправедлива ко многим писателям XIX века, поместив их в третьеразрядные авторы, увлекшись творчеством гениев или весьма скандальных фигур. И если

В.А. Гиляровский заслуженно стал называться одним из родоначальников новой журналистики, то его автобиографические книги остались в тени произведений М. Горького и других писателей «стыка» веков, с которыми его роднила тема босячества и скитаний. Безусловно, о В.А. Гиляровском писали в советскую эпоху [1, 2, 3, 4], к последним юбилеям появились новые российские исследования о его творчестве [5-11], но, наш взгляд, книги замечательного писателя вполне заслуживают более пристального внимания и углубленного анализа не только с литературоведческой, но и с языковой, и стилистической точки зрения.

Художественный портрет в русской классической прозе XIX века, как и в русской живописи, в разных жанрах – от рассказа, новеллы до романа-эпопеи – достиг невиданных высот. Это связано прежде всего с методом критического реализма, который чрезвычайно расширил рамки изображения человеческой личности, стремясь к многостороннему ее освещению, постижению сложного переплетения внутренних и внешних факторов ее формирования, «диалектики души», выявлению типических черт человека, носителя образа мышления определенной среды или национального сознания в целом.

Классификация портрета в литературоведении соединяет особенности содержания характеристики внешности героя, особенности формы воплощения и роль описания в художественном целом текста.

Портрет писателей второй половины XIX века включает все виды: описательно-живописный, описательно-бытовой, социально-исторический, социально-психологический, натуралистический, импрессионистский, символический. Причем в портрет входит использование различных приемов: детализации, авторской характеристики, самопрезентации героя, противо-

поставления, контраста, динамики или статики, пространственно-временного состояния и многих других.

Тип героя нагляднее всего проявляется в костюмах героев, в деталях гардероба, аксессуарах, что позволяет читателю понимать особенности эпохи, определенного исторического периода, специфику образа жизни, быта, труда, отдыха, а также моды, эстетических предпочтений, религиозных воззрений, морально-этических ценностей. В случае ярко выраженной неповторимости, подчеркивания индивидуальности героя портрет становится акцентацией черт «белой вороны», выделением в портрете редкого, своеобразного, уникального.

Повести «Мои скитания» и «Люди театра» тесно связаны: в центре – судьба одного героя, открывающего жизнь России, ее народа, высших сословий, познающего труд, взаимоотношения людей, их мораль, культуру, язык. При этом его хождение в народ, в российскую армию, а потом в искусство сопряжено с взрослением, становлением личности, постижением смысла бытия русского и нерусского человека. Многообразный и колоритный мир героев книг В.А. Гиляровского невозможно представить в одной статье, поэтому автобиографическим повестям писателя мы посвятили три статьи, в каждой из которых дано исследование лексики того или иного портрета, который тематически условно определен как портрет бытовой, официальный, армейский, театральный, портрет людей социальных низов.

Море человеческих характеров народной среды, в которое окунулся сбегавший из дома вчерашний гимназист, осмыслено автобиографическим героем с впечатлительностью, не замутненной привычкой, с любопытством молодости, жадностью познания незнакомой жизни и поведения людей. Отсюда его пейзажи, портреты, интерьеры, описания вещей,

детализация столь ярки, выразительны, индивидуальны. Внутренняя душевная чистота и до определенного времени наивность не позволили создать строгую социально-обличительную контрастную картину, которая отразилась бы в языке средствами идеологической антонимии, отрицательной оценочной лексики и другими средствами противопоставления, чем грешили многие его современники.

Портреты Гиляровского в силу тематики произведений носят социально-исторический и описательно-бытовой, подчас натуралистический характер, но, воплощая его стремление к лаконизму, обладают поразительной сущностной характеристикой, которая всегда соответствует его художественным задачам создания характера и ситуации. Писателя никогда нельзя упрекнуть в излишестве, «украшательстве», отсутствии вкуса, крайней эстетизации или наоборот – антиэстетизации, хотя и страшного, и ужасного, и безобразного в его текстах предостаточно.

Если соматическая лексика в портрете не отражает историческую специфику, поскольку человеческое тело не подвергается эволюционным изменениям, то лексика вестральная, напрямую связанная с конкретным временем, явлениями национального образа жизни, культуры, моды, эстетическими идеалами, проявлением индивидуальности личности, может становиться исторической и архаичной. Рассмотрим вестральную лексику и ее функциональную роль в художественных портретах В.А. Гиляровского из автобиографических повестей, поставив своей целью осмысление специфики портрета, его языка, и в частности лексики одежды.

Результаты и обсуждение

Детство Володи Гиляровского может быть соотнесено с детством другого мальчика – Васи, сына судьбы из рассказа В.Г. Короленко «Дети подземелья» [12], который о своем автобиографическом герое замечает, что он, несмотря на при-

надлежность к приличному обществу, все время проводил на улице с детьми бедноты. Тесное знакомство с жизнью народа не просто расширило границы опыта, но позволило глубоко впитать язык, культуру, моральные ценности, словом, русское национальное миропонимание.

Володя рос в далекой и глухой российской провинции, суровой Вологде, ставшей местом ссылки и для народников, и всех новоявленных революционеров, в большей степени представителей русского студенчества. Но пока он не стал понимать воззрения молодого поколения семьи, его воспитанием занимались дед, мать, вскоре умершая, отец, мачеха и ее сестры. Новая родня была аристократическая, а посему первые детские впечатления мальчика, привыкшего к воле усадьбы, лесов и полей, были связаны со строгим этикетом и «муштрой» тетушек, которым претила «неотесанность» Володи.

Крепостные отношения ушли, а уклад остался. Именно мальчик видит, как пожилой слуга воплощает его в жизнь: «За столом прислуживал бывший крепостной, одновременно и повар, и столовый лакей, плешивый Афраф. Какое это имя и было ли у него другое, я не знаю. В кухне его звали Афрафий Петрович. Афраф, стройный, с седыми баками, в коломенковой ливрее, чистый и выложенный, никогда ни слова не говорил за столом... Я не заметил, как бесшумный Афраф стал убирать тарелки, и его рука в нитяной перчатке уже потянулась за мной...» [13, с. 23].

Любители чтения вспомнят, что такое ливрея, а вот, что такое коломенковая, – вряд ли, тем более что в русском языке это слово имеет несколько форм правописания.

Итак, значение слова «ливрея»:

– ливрея, и.ж. Одежда с галунами и шитьём для швейцаров, лакеев, кучеров. Лакей (в ливрее); |прил. ливрейный, ая, ое [14, с. 326];

– ливрея – одежда, которая в XV в. во Франции выдавалась чиновникам из казны для торжественных случаев; одежда челяди, выдержанная в геральдических цветах господина. Со временем название стало применяться к одежде особого покроя на пуговицах, обшитой галуном, для швейцаров, лакеев и пр. [15, с. 205];

– ливрея (франц. livree) – форменная одежда швейцаров, лакеев, обслуживающего персонала; обычно отделана галунами. В средние века эту одежду делали из материалов геральдических цветов; она состояла из фрачного пиджака, брюк до колен, чулок и туфель. Л. носили также солдаты до того, как была введена униформа в современном ее понимании; цвет солдатской Л. соответствовал цвету одежды командира военного подразделения [16].

М. Фасмер возводит это название к французскому слову livree и указывает его первоначальное значение – ‘выдаваемая государством и высшим дворянством одежда для свиты’, от livrer ‘выдавать’, латин. liberare ‘освобождать, отпускать, выдавать’ [17, с. 492–494].

В доме Разнатовских традиция одевать слуг в специальную одежду не была связана с их особым тщеславием. Уместно будет вспомнить тот факт, что в «Уставе о службе» регламентировался и внешний вид слуг. В «Энциклопедическом словаре» (Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон) в статье о ливрее можно прочитать о наказании тех дворян, которые не следуют правилам: «Одевающий своих слуг в Л., не соответствующую его чину, подвергается штрафу до 300 или 500 р., а в третий раз – аресту от 3 недель до 3 месяцев (ст. 1416 Улож. о наказ., изд. 1885 г.). В учреждении Императорской Фамилии (ст. 119) существуют особые правила о Л. придворных, т.е. для слуг членов Императорской фамилии» [18, с. 657].

Следовательно, вышколенный десятилетиями Афрах был одет по «закону», несмотря на приобретенную свободу, и был все также чист и вылощен, как и требовало звание столового лакея.

Его ливрея была из особой коломянковой ткани, название которой стало архаизмом:

– коломянковый–коломёнок, нка, м. и (устар.) коломянка, и, ж. Прочная и мягкая льняная ткань [14, с. 284]. Коломян (коломёнка, каламян, коломёнок,, каламёнок <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0> - cite_note-автоссылка 1-3)– ‘плотная гладкая ткань полотняного переплетения из льна, иногда с добавлением пеньки’ [19, с. 136–137, 20].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера находим лексему коломенка в значении ‘гладкая пеньковая или льняная ткань’, которую он возводит к лат. camelaucium через немецкий (нем. Kalamank, Kalmank) и голландский (нидерл. Kalamink) языки; ср. камилавка ‘головной убор монахов и священников’, др.-русс. Камилавка [17, с. 174, 294].

В «Полном церковно-славянском словаре» под редакцией протоиерея Г. Дьяченко лексема камилавка возводится к греч. χαμηλαύχιον отъ χαυμα – ‘жар’ и ελαύνω – ‘укрощаю’, т.е. ‘шапка, укрошающая жар или защищающая от жара’ [17, с. 243]. Дело в том, что льняная ткань способна понижать температуру тела на 3-4 градуса, благодаря своей способности «дышать». В холодное время года льняные ткани наоборот удерживают тепло, создавая вокруг тела своеобразную оболочку. Лен обладает антисептическим действием, он полезен для кожи и здоровья человека.

В словаре В.И. Даля представлены два определения:

1) коломянка— «полосатая пёстрая шерстяная домотканина, напанёвы, запасли». В XIX-XX веках в Томской и Псковской губерниях женщины носили коломенчатые юбки из восьми полос шерстяной полосатой домотканины [22, с. 140];

2) каламёнок (коломянка) — одноцветная ткань из льна или пеньки; белёная гладкая пеньковая или льняная ткань, белёная или суровая, похожая на демикотон (во второй половине XIX века в официальных документах и в художественной литературе уже не пестрая) [22, с. 76].

Пенька для современного городского человека также предмет загадочный, его значение отражено в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова: 'грубое прядильное волокно из конопли'. Конопатить щели пенькой [14, с. 498].

Безусловно, в вологодском льняном крае одежда из льна не в диковину. Следует обратить внимание на тот факт, какой вариант названия выбирает Гиляровский: не каламянка, коломянка, каламёнок, а коломёнок, коломенковая ливрея, поскольку северный диалектный говор предполагает оканье.

Мир гимназии расширяет представление читателя о том, как выглядели ученики и их наставники. Портретные характеристики учителей даны с известной долей юмора, иронии и даже сатиры, что и понятно, поскольку большинство из них представляли известные типы чиновников от образования: ни любви к детям, ни педагогического рвения и старательности никто не проявлял. К тому же скука, муштра, выслуживание перед начальством, подчас жестокая порка детей, их униженное положение превращали гимназию в место, где учеба не в радость, а в наказание, где хотелось развлечься и пошалить, чем периодически и занимались Володя Гиляровский и его друг Дмитрий Андреев: «Первые силачи в классе и пер-

вые драчуны, мы вечно ходили в разорванных мундирах, дрались всюду и писали злые шутки на учителей. Все преступления нам прощались, но за эпиграммы нам тайно мстили, придираясь к рваным мундирам» [13, с. 43-44].

Володю порча одежды не смущала: это реальность — есть одежда целая, но ей свойственно рваться, — что тут поделаешь, и расстраиваться нечего. Когда он в отместку за порку разрисовал охрой шинель соседа, чья кляуза стояла мальчику наказания, то испытал некоторое удовлетворение, что его не поймали, а следы мести были видны, хотя краску и оттирали старательно. В портрете «старого бритого чиновника», отца Кости, из-за которого и пострадал герой, дан типичный для провинциального бедного человека «комплект» одежды: фризовая шинель и засаленный форменный картуз.

Архаизм «фризовая» означает ткань, из которой сшито форменное платье чиновника. В «Этимологическом словаре» М. Фасмера указано, что

фриз— это 'шерстяная ткань с длинным ворсом', фризový, прилаг. Из нов.-в.-н. Fries — то же, первонач. «фризская ткань», франц. frise, ср.-лат. pannifrisii, vestimentade Frisarumprovincia (Клюге-Гётце 175; М.— Любке 302) [23, с. 207].

Официальное существование русского мужчины XIX века было связано с мундиром, фракком, сюртуком. Их носили все, кто принадлежал к государственной системе, кто часто бывал в официальной ситуации общения, в том числе и гимназисты. В тексте Гиляровского будничность жизни, простое бытие людей вытесняло напыщенную парадность. Он ее презирал, над ней смеялся, ему было ближе естественное одеяние людей, пусть и не всегда эстетически приятное: «Кроме Камбалы, человека, безусловно, доброго и любимого нами, нельзя не вспомнить двух учителей, которых мы все не любили. Это были чопорные и важные ино-

странцы, совершенно непохожие на всех остальных наших милых чиновников, в засаленных синих сюртуках и фраках, редко бритых, говоривших на «о». Влетало нам от них иногда: и легкие подзатыльники, и наказания в виде стояния на коленях. Но все это делалось просто, мило, по-отечески, без злобы и холодности. Учитель французского языка м-р Ранси, всегда в чистой манишке и новом синем фраке, курчавый, как пудель, – говорят, был на родине парикмахером. Его терпеть не могли. Немец Робст ни слова не знал по-русски, кроме: «Пошел, на уколь, свинь рюски», и производил впечатление самого тупоголового колбасника» [13, с.41].

Разорванный гимназический мундир, засаленный синий мундир небогатых учителей противопоставлены лоску форменного платья тех учителей, которые чисты одеждой, но несостоятельны как люди. Неслучайно это формальное стремление к показному благополучию директора и его заместителя превращается в комедию: «...к экзаменам приехал попечитель округа кн. Ливен. Железной дороги не было, и по телеграфу заблаговременно, т. е. накануне приезда, узнало начальство о его прибытии. Пошли мытье и чистка. Нас выстраивали в классе и осматривали пуговицы. Мундиры с красными воротниками с шитьем за год перед этим отменили, и мы ходили в черных сюртуках с синими петлицами. Выстроили нас всех в актовом зале. Осмотрели маленьких. Подошли к шестому и седьмому классам директор с инспектором и заволновались, зажестикულიровали. И смешно на них, маленьких да пузатеньких, было смотреть перед строем рослых бородатых юношей. Бородатые были и в младших классах. Так, во втором классе был старожил Гудвил, более похожий по длинным локонам и бородище на соборного дьякона. Инспектора звали «Тыквой» за его лысую голову. И посыпались

угрозы выгнать, истолочь в порошок, выпороть и обрить на барабане всякого, кто завтра на попечительский смотр не обрется и не острижется. Приехал попечитель, длинный и бритый. И предстали перед ним старшие классы, высокие и бритые – в полумасках. Загорелые лица и белые подбородки и верхние губы свежесобритые... Смешные физиономии были» [13, с. 42].

Директор, кстати сказать, вызывает у наблюдательного Володи интересные ассоциации, превращаясь в своем мундире, надетом на объемное тело, в синий шар: «Шаги смолкли, и в открытой двери появился сначала синий громадный шар с блестящими пуговицами, затем белая-белая коротенькая ручка и, наконец, синий шар сделал какое-то смешное движение, пролез в дверь и, вместе с ним, появилась добродушная физиономия с длинным утиным носом и едва заметными сонными глазками» [13, с.34]. Наличие всех пуговиц, надраенных до блеска, – та деталь, которую подчеркивает Гиляровский не раз. В русской традиции лишь «голь перекатная» позволяет ходить, открывая тело: для всех обязательны пояса, ремни, кушаки, покрытая голова, перчатки у высших сословий, застегнутые пуговицы под горло даже у детей, заплатки на дырах у бедняков. Все это носило печать социальную (порядок иерархии, дисциплина), религиозно-нравственную (уважение к окружающим, когда целая и чистая одежда говорят о благополучии и трудовом существовании человека; соблюдение религиозных заповедей, когда тело закрыто и не может быть объектом вожделения или наоборот презрения, когда человек болен, убог, нищ).

Учеба мало интересовала юного Гиляровского, он нашел более занимательные увлечения – охоту и цирк, которые сформировали физическую выносливость, ловкость, смелость и сообразительность. Отставание по предметам привело к зна-

комству со студентами, которые стали его репетиторами, а затем подросток, еще мало понимая всю суть разговоров революционной молодежи, проникся уважением к этим неординарным людям. Ссылные, конечно, были в диковинку для большинства старорежимных вологодских обывателей. Взгляд Володи также выделяет новый «стиль» народовольцев. Их портрет сугубо описательный, как и большинство портретов Гиляровского в этой книге. Подчеркнуто стремление молодых людей быть свободными в выборе одежды: она не бывшая форменная студенческая или сословно-обывательская. Это демократическая одежда, которая близка к народной – красные рубахи, поддевки, смазные сапоги у юношей, у девушек – тоже красные рубахи-косоворотки, черные маленькие шляпки, вроде кучерских. То обстоятельство, что и мужчины, и женщины носят рубахи, а последние еще и коротко стригут волосы, создает «кастовое» единство «своих», которые отличаются от всех остальных нарочитым пренебрежением к установленным правилам ношения одежды. У девушек – короткие черные юбки, у них своя «нигилистская» мода, а не общепринятая погоня за французской. К этому особому стилю добавляются очки синие или дымчатые, которые носят все, широкополые шляпы у юношей. Несколько странно для современного читателя вооружение самодельными дубинами – «лучшими считались можжевеловые, которые добывали в дремучих домшинских лесах» [13, с. 25]. Объяснение этому факту мы найдем в портрете полицмейстера, полковника А. Д. Суворова, бывшего кавалериста. Этот страстный охотник, лошадиник и театральный популяризатор попал в оказию: направляясь зимой вьюжной ночью через реку Вологду на спектакль, встретился с волком, который запрыгнул к нему в сани. Ловко схватив зверя за уши, он привез его на двор театра, отдал полицейским, и как ни

в чем ни бывало отправился на свое место в первом ряду. Публика же, надев шубы, повалила смотреть на диво, и спектакль в одиночестве досмотрел один Суворов. Он вовсе не был занят ссылными, которые при таком природном соседстве – волки «стаями бегали по реке и по окраинам» – расхаживали с дубинами, хотя, думается, была в этом и определенная бравада.

Выводы

Исследование портрета В. А. Гиляровского в его автобиографической прозе позволяет сделать вывод о том, что основным видом портрета для него является социально-исторический, описательно-бытовой портрет. В силу определенных художественных задач он не стремится к постижению психологии героев или их редкой индивидуальности. Авторский комментарий в портрете для писателя не характерен. Принципы внешнего изображения становятся основополагающими. Кроме того, ему свойственно «мужское» видение окружающих людей, при котором отсутствует проявление ярко выраженной экспрессии, как положительной, так и отрицательной, экзальтации чувств или сентиментальности.

Вестиальная лексика в портрете В.А. Гиляровского имеет следующую специфику:

Лексика одежды номинирует головные уборы, нижнюю и верхнюю одежду, обувь; аксессуары практически не представлены.

Одежда четко соотносится с официальной (служебной), бытовой и трудовой деятельностью, а также соответствует сезону, времени года.

Гражданский мундир, сюртук, фрак, livрея в портретах имеют не только описательную функцию, «визуализируя» героя, но и выявляют должность героя, определяют его личностное отношение к собственному положению в обществе.

Одежда постоянно рассматривается с точки зрения сохранности и чистоты. Наличие данных свойств характерно для внешнего облика людей высших сословий. В сочетаниях вестияльной лексики определения со словом «чистый» имеют как положительную, так и отрицательную эмоциональную окраску. Разорванная одежда характеризует поведение детей, труд бурлаков, рабочих, босяков - «зимогоров», бытовую жизнь юнкеров, солдат на войне и создает общую социальную картину бедности или нищеты, сопряженных с пьянством, или другими трагическими реалиями жизни (что будет более подробно рассмотрено в следующих статьях).

Народный национальный костюм как эстетическое и культурное явление не представлен.

Метафоризация одежды в портрете мужчин и женщин за редким исключением отсутствует; метафоры и сравнения

чаще всего выражают ироническое отношение автора-повествователя.

Женские портреты с вестияльной лексикой единичны; она выполняет описательную функцию, функцию социальной характеристики и создания «парадного» портрета (см. статью авторов о театральном портрете).

Новое поколение революционно-демократической молодежи нарушает традицию сословного выбора одежды: их костюм не европейский и не национальный (купеческий, мещанский, крестьянский). Вестияльная лексика отражает эклектичность одежды, в которой преобладают вещи демократической народной среды, в частности, заводских рабочих (у юношей) и городской прислуги (у девушек). Шляпы с длинными полями и дымчатые очки как необычный аксессуар превращаются в опознавательный знак определенного замкнутого социального объединения.

Список литературы

1. Гура В.В. Жизнь и книги дяди Гиляя. Вологда: Вологодское книжное издательство, 1959. 56 с.
2. Паустовский К.Г. Стенограмма выступления К.Г. Паустовского на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Владимира Алексеевича Гиляровского, 8 декабря 1953 года в Центральном Доме литераторов // Вопросы литературы. 1969. №5. С. 177-180.
3. Паустовский К.Г. Дядя Гиляй (В.А. Гиляровский): предисловие к книге В.А. Гиляровского «Москва и москвичи». Очерки старомосковского быта». М.: Московский рабочий, 1955.
4. Есин Б.И. Репортажи В.А. Гиляровского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 112 с.
5. Баженов А. Спасибо, дядя Гиляй! // Москва. 2004. №4. С. 203-221.
6. Митрофанов А. Гиляровский. М.: Молодая гвардия, 2008. 527 с.
7. Рецензии на книгу «Гиляровский» Алексея Митрофанова. URL: <https://audiokrai.com/books/141604/reviews>.
8. Судаков Г.В. В.А. Гиляровский как знаток русской речи: (рефлексия писателя на речевые феномены своего времени) // Словесность и культура как образ национальной ментальности. Вологда, 2010. С. 291-300.
9. Быков Д.Л. Владимир Гиляровский // Дилетант. 2014. №8. URL: bykov.livejournal.com/1989123.html
10. Быков Д.Л. Гиляровский // Внеклассное чтение. М.: Проза и К, 2017. 381 с.

11. Кумзёров В. Вологжане вновь открывают В.А. Гиляровского. Вологда: Арника, 2021.
12. Короленко В.Г. Собрание сочинений: в восьми т. Т. 2. Повести и рассказы. Примечания к рассказу «В дурном обществе», составленные при участии С.Л. Короленко. М.: Правда, 1953.
13. Гиляровский В. А. Сочинения: в четырех т. / вступ. ст., сост. и прим. Б.И. Есина. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 13-238.
14. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1995. 928с.
15. Андреева Р.П. Энциклопедия моды. СПб.: Литера, 1997. 416 с.
16. Орленко Л.В. Терминологический словарь одежды. М., 1996. URL: https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т.2 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 3-е изд., стер. СПб.: Терра – Азбука, 1996. 672 с.
18. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 34, (Ледье-Лопарев). Репр. воспр. изд. «Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон в 82 т. и 4 доп. т. 1890 г.». М.: Терра, 1990-1994. 960 с.
19. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.: Опыт энциклопедии / под ред. Т.Г. Морозовой, В.Д. Синюкова. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 383 с.
20. Товарный словарь / И.А. Пугачёв (главный редактор). М.: Государственное издательство торговой литературы, 1957. Т. 3. 527 с.
21. Полный церковно-славянский словарь. Репр. воспр. изд. «Полный церковно-славянский словарь, протоирей Г. Дьяченко, 1900 г.». М.: Московский патриархат, 1993. 1120 с.
22. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.2: И-О. М.: Прогресс, Универс, 1994. 912 с.
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т.4 (Т–Ящур) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 3-е изд., стер. СПб.: Терра – Азбука, 1996. 861 с.

References

1. Guru V.V. *Zhizn' i knigi dyadi Gilyaya* [Uncle Jill's Life and Books]. Vologda, Vologodskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959, 56 p.
2. Paustovsky K.G. *Stenogramma vystupleniya K.G. Paustovskogo na vechere, posvyashchenom 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Alekseevicha Gilyarovskogo, 8 dekabrya 1953 goda v Central'nom Dome literatorov* [Transcript of K.G. Paustovskij K.G. Paustovsky at the evening dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vladimir Alekseevich Gilyarovsky, December 8, 1953 at the Central House of Writers]. *Voprosy literatury = Questions of Literature*, 1969, no. 5, pp. 177-180.
3. Paustovsky K.G. *Dyadya Gilyaj* (V.A. Gilyarovskij) *Predislovie k knige V.A. Gilyarovskogo "Moskva imoskvichi". Ocherki staromoskovskogo byta* [Uncle Gilyai (V.A. Gilyarovsky). [Preface to the book by V.A. Gilyarovsky "Moscow and Muscovites". Essays on old Moscow life]. Moscow, Moskovsky Rabochiy Publ., 1955.

4. Esin B.I. *Reportazhi V.A. Gilyarovskogo* [Reports by V.A. Gilyarovsky]. Moskva = Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1985. 112 p.
5. Bazhenov A. Spasibo, dyadya Gilyaj! [Thank you, Uncle Gilai!]. Moscow, 2004, no. 4. pp. 203-221.
6. Mitrofanov A. *Gilyarovsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 527 p.
7. *Recenzii na knigu "Gilyarovskij" Alekseya Mitrofanova* [Reviews of the book "Gilyarovsky" by Alexei Mitrofanov]. Available at: <https://audiokrai.com/books/141604/reviews>
8. Sudakov G.V. [V.A. Gilyarovsky as a connoisseur of Russian speech: (a writer's reflection on the speech phenomena of his time)]. *Slovesnost' i kul'tura kak obraz nacional'noj mental'nosti* [Literature and culture as an image of national mentality], Vologda, 2010, pp. 291-300.
9. Bykov D.L. Vladimir Gilyarovskij [Vladimir Gilyarovsky]. *Diletant* Publ., 2014, no. 8. Available at: bykov.livejournal.com/1989123.html (In Russ.).
10. Bykov D.L. [Gilyarovskij]. *Vneklassnoe chtenie* [Extra-curricular reading]. Moscow, Prozai K Publ., 2017. 381 p. (In Russ.).
11. Kumzerov V. *Vologzhane vnov' otkryvayut V.A. Gilyarovskogo*. [Vologda residents rediscover V.A. Gilyarovsky]. Vologda, Arnika Publ., 2021.
12. Korolenko V.G. *Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. T. 2. Povesti i rasskazy. Primechaniya k rasskazu "V durnom obshchestve", sostavlennye pri uchastii S.L. Korolenko* [Collected Works in eight volumes. Vol. 2. Leads and stories. Notes to the story "In Bad Society", compiled with the participation of S.L. Korolenko]. Moscow, Pravda Publ., 1953.
13. Gilyarovskij V. A. *Sochineniya v chetyrekh tomah* [Works in four volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1989. vol. 1, pp.13-238.
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Shvedova N.YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 72 500 slovi 7 500 frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and 7,500 phraseological expressions]. Moscow, Az Publ., 1995. 928 p.
15. Andreeva R.P. *Enciklopediya mody* [Encyclopedia of fashion]. St. Petersburg, Litera Publ., 1997. 416 p.
16. Orlenko L.V. *Terminologicheskij slovar' odezhdy* [Terminological dictionary of clothes]. Moscow, 1996. Available at: https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia
17. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language.]; St. Petersburg, Terra – Azbuka, 1996. (Vol. 2 (Muse – Syat). 672 p.
18. *Enciklopedicheskij slovar'*. [Encyclopedic Dictionary. Moscow, Terra Publ., Z4. (Led'e-Loparev) 1990-1994. 960 p.
19. Kirsanova R.M. *Kostyum v russkoj hudozhestvennoj kul'ture 18 – pervojpoloviny 20 vv.: Opyt enciklopedii* [Costume in Russian artistic culture of the 18th – the first half of the 20th centuries: Experience of the encyclopedia]; ed. by T.G. Morozovoj, V.D. Sinyukova. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 1995. 383 p.
20. *Tovarnyj slovar'* [Commodity Dictionary]; ed. by I.A. Pugachyov. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo torgovoj literatury Publ., 1957. Vol. 3. 527 p.
21. *Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary], Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 1993. 1120 p.
22. Dal V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1994, vol. 2. p. 912.
23. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language (Vol. 4)]. St. Petersburg, Terra – Azbuka Publ., 1996. p. 861.

Информация об авторах / Information about the Authors

Летапурс Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация,
e-mail: lietaurs@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5879-1779

Tatyana V. Letapurs, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lietaurs@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5879-1779

Малыхина Татьяна Моисеевна, кандидат филологических наук, Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация,
e-mail: etnolingv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2802-5686,

Tatyana M. Malykhina, Cand. of Sci. (Phylological), Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: etnolingv@mail. Ru